

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

ИЗДАНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ГАЗЕТ «ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ», «ТОТУУС», «МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК» И СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ И СУББОТАМ.

№ 8

21 февраля 1948 года

№ 8

Товарищи кондопожцы! Вас приветствует ЦК Компартии Карело-Финской ССР 200 пр. нормы в сутки!

Больше бумаги!

В сегодняшнем номере нашей газеты напечатано приветствие Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Карело-Финской ССР рабочим, мастерам, инженерам возрожденной Кондопоги. Большевики республики поздравляют кондопожских бумажников с новой победой на трудовом фронте и требуют давать больше высококачественной продукции советской Родине.

Народ ожидает от нас первоклассной бумаги. То, что достигнуто нами — новое свидетельство тому, что могут сделать люди сталинской эпохи, одухотворенные величественной идеей коммунизма. Велик и могуч советский народ. Нет для наших людей никаких преград, ибо они Прекрасно знают, какой благородной цели служит их каждодневный будничный трудовой подвиг.

Ради Отчизны, во имя её процветания, на радость всему человечеству, будем, товарищи кондопожцы, работать еще лучше, производительнее. На кондопожской бумаге печатаются большевистские газеты, несущие миру мудрые идеи Ленина—Сталина. Не десятки тонн, а гораздо больше могут и должны дать бумажники предприятия, названного именем незабвенного Сергея Мироновича Кирова. Порадуем же советскую державу новыми производственными победами.

Больше бумаги! Оседлаем технику и возьмем от неё всё, что она может дать. Выше организованность, решительней шаг.

К новым успехам, товарищи!

Коллективу Кондопожского бумкомбината
им. С. М. Кирова

Центральный Комитет Компартии (большевиков) КФССР горячо поздравляет рабочих, мастеров, инженеров Кондопожского комбината им. С. М. Кирова с производственной победой.

ЦК Компартии уверен, что коллектив комбината приложит все свои силы, опыт, инициативу, для того, чтобы изо дня в день наращивать темпы, увеличивать выработку и повышать качество продукции.

Больше первосортной бумаги советской Родине!

Секретарь ЦК КП(б)КФССР
Г. Куприянов.

Лесорубы и возчики Карелии выполняют свое слово

Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Карело-Финской ССР обращается ко всем рабочим лесной промышленности, ко всем колхозникам и колхозницам, работающим на лесозаготовках, с призывом мобилизовать все силы на выполнение сезонного плана лесозаготовок и выражает уверенность, что этот призыв найдет достойный отклик среди всей армии лесозаготовителей.

Радостную весть получили мы сегодня из Кондопоги. Бумажники выполнили свое обязательство и 19 февраля выработали бумаги в два раза больше, чем предусмотрено плановым заданием.

Приятно сознавать, что и мы своим трудом способствовали этому производственному успеху. Все наши лесорубы и возчики горячо откликнулись на обращение компартии республики,

стали на стахановскую вахту. Передовые бригады с честью выполняют обязательства, взятые в письме великому Сталину. Бригада А. Александрова дает, например, на заготовке 8-10 кубометров и полностью вывозит всю древесину.

Товарищи бумажники! Мы обещаем вам работать в дни стахановского месячника еще напряженнее и ждем от вас новых побед.

От имени рабочих Кулуукского лесопункта
Г. КРЫЛОВ, П. ФЕКЛИСТОВ, П. АНУШКИН.

Наступление продолжается...

Быстро вращаются цилиндры каландров, ровно бежит белое, широкое, бесконечное полотно бумаги, наматываясь в двухтонные тамбуры. Положишь ладонь на такой вращающийся рулон и чувствуешь, как бежит, струится теплая еще, словно живая, да и в самом деле живая бумага. Кондопожская бумага! Бумага с ожившей, возрожденной, второй раз рожденной фабрики!

Не один бумажный комбинат Кондопоги работает здесь в лесах Карелии. На берегах ее озер в эти дни мы вспоминаем и о Сегеже, и о Ляскеля, и о Харлу, и о Суоярви, и о Питкяранте. И с каждым из этих имен так много связано у нас и воспоминаний и тревог, надежд и радостей, но совсем по-особому бьется сердце, когда думаешь о Кондопоге. С особой гордостью, нежностью и волнением думаешь о том, что вот пишешь сейчас эти строки на еще совсем теплой, только вышедшей из машины, кондопожской бумаге...

И это потому, что Кондопога была первой любовью советской Карелии! Это и потому, что Кондопога была первенцем нашего строительства, зачатым в те трудные дни, когда страна еще не вышла на широкий путь сталинских пятилеток.

Полтора года назад мы стояли в бумажном зале возрожденного Ляскеля... Пошла первая бумага... На ней был и а п е ч а т а н н о м е р „Ленинского Знамени“, вышедшего к сессии Верховного Совета... Трудную работу пришлось совершить строителям, монтажникам и затем бумажникам, восстанавливавшим Ляскеля.

И сегодня, в цехах Кондопоги, мы вспоминаем о тех, кто работал в Ляскеля и Харлу.

Суоярвская фабрика... В поселке, раскинувшимся вокруг нее, был расположен штаб нашей армии в те дни, когда была поставлена на колени финляндская белогвардейщина—в марте 1940 года. Здесь впервые нам довелось попасть под бомбежку 24 декабря 1939 года, когда ходуном ходили стены легких домиков от рвущихся бомб, сброшенных с самолетов английской марки „Бристоль-Бленхейм“.

Здесь же летом 1941 года бомбили нас немецкие „Юнкерсы“, и кажется, не так уж много прошло времени с тех пор, нет на свете ни Гитлера, ни Геринга, а

Геннадий ФИШ

Суоярвская фабрика работает, и не смогли погубить ее ни английский, ни немецкий бомбардировщик, и столб дыма из ее высокой трубы виден на другом берегу озера за десятки километров, а на платформы новой железной дороги накладываются кипы высококачественного картона Суоярви. Питкяранта. Здесь мы были свидетелями того, как в холодном январе 1940 года „Бристоль-Бленхейм“ бомбил палатки полевого госпиталя, расположившегося на заводском островке...

Здесь выходил „Боевой удар“—газета дивизии полковника Бондарева. Когда вражеские отряды перерезали коммукацию, у газеты не стало бумаги, но она должна была выходить ежедневно, донося слова большевистской правды к бойцам. Во дворе разрушенного комбината лежали, перевязанные металлическими лентами, большие тюки плотной голубоватой целлюлозы...

И тогда решено было печатать „Боевой удар“ на целлюлозе. Трудно было разрезать ножницами твердые, плотные листы. Натертые мазоли нестерпимо ныли. Краска не ложилась на толстые листы... Приходилось каждый листок перед печатаньем смачивать влажной тряпкой, порывавшей превратиться на морозе в смерзшийся комок.

И читая такую газету, бойцы удовлетворенно говорили: „Хороша газетка, не гнется на ветру!“

Не успела подняться Питкяранта, не успела отстроиться между двумя войнами! И только совсем недавно, в 1947 году, снова стали варить целлюлозу в Питкяранте.

Сегежа. Самое молодое, самое мощное, самое технически-оборудованное предприятие бумажной промышленности в Карелии и, пожалуй, самое совершенное во всем мире.

В самое напряженное для страны время здесь, в механических мастерских, изготовлялся бумажниками автомат своей фронтальной конструкции, так и названный „автомат К-Ф“. Раньше всех других в Карелии снова начал работать Сегежский комбинат. Тогда, когда еще не начиналось наступление на нашем фронте, навсегда запомнилось мне посещение

осенью в 1943 году фабрично-заводской школы. Уже тогда Сегежа начала готовить кадры для бумажной промышленности.

Неоднократно коллектив Сегежи завоевывал союзное красное знамя и первенство в соцсоревновании. И сегодня от успешной работы его зависит урожай на колхозных полях, так как удобрение с химических заводов идет в колхозы в мешках, изготовленных Сегежей. И сегодня от работы сегежцев зависит успех строителей, потому что цемент до строек послевоенной пятилетки доходит в мешках, сделанных сегежцами.

Почему же сегодня вспоминаю я обо всем этом здесь, на берегу Онежского озера, в занесенном снегами поселке строящейся Кондопоги?!

Потому, что здесь у первенца Советской Карелии, у возрожденной первой ее любви, собрались в творческом труде, стремясь скорее восстановить былую славу Кондопоги,—те люди, с которыми нам довелось в эти трудные годы встречаться в разных концах Карелии. Пришли сюда и коренные кондопожцы, и М. Самсонов, бывший крестьянин, на земле которого построен комбинат, Гачкин и Афанасьев, Мальков, строившие первый раз Кондопогу, чтобы строить ее заново. Нет! Не за длинным рублем пришли они, не за легким заработком и не к своим домам-очагам, потому, что очагов-то и не было. Разрушены!

И пользуясь тем, что здесь летом солнце не заходит, после долгого дня работы, они выстроили себе индивидуальные дома. Сюда приехал и молодой паренек, уроженец деревни Вороново, воспитанник ремесленного училища—Гордеев, ныне знатный человек комбината, и бывший кузнец Хуусари, начавший красногвардейцем воевать с немецкими империалистами в 1918 году еще в гражданскую войну в Финляндии и закончивший поход под Берлином офицером Советской Армии в 1945 году. И всех их вела и объединяла великая вера в то, что Кондопога будет жить! Вера эта была из тех, которая способна сдвигать с места горы.

Другие времена, другие песни, но музыка, но мелодия, но цель у нас одна—победа коммунизма! И

Наступление продолжается ...*

здесь—в Кондопоге—борьба за коммунизм конкретно выражается сейчас в борьбе за тонны газетной бумаги.

Весь коллектив тем увереннее вступает в эту борьбу, что совсем недавно многим казалось, что и вовсе невозможно восстановить Кондопогу, а другим казалось, что восстановление это затянется еще на долгие годы. А ведь вот есть она, бежит, струится, наматывается в рулоны, животворящая, одухотворяющая людей бумага! Мы боремся за много тонн! Их нет еще в плане. Все это делается сверх плана. Значит ускорено наше движение к коммунизму. Тонны бумаги! И какой! Газетной! Той, которая несет слова нашей победоносной правды. Уже получен наряд, уже отгружены первые вагоны кондопожской бумаги в Киев, в Минск, Житомир. Это означает, что со страниц газет на украинском, белорусском языке с новой силой прозвучат слова великого Сталина! Это овестьственная дружба народов!

Волей большевиков Карелин, трудом её людей, леса карельские, буйная энергия Суны превращает в бумагу, в газетный лист, в слово самой правдивой, самой честной, самой самоотверженной большевистской прессы, борющейся за мир, за торжество человечества!

Первая кондопожская машина вступила в строй, обгоняя время, на много раньше назначенных сроков, но комбинат еще не восстановлен полностью. Еще многого нет, еще много нужно сделать, много достроить, кое-что перестроить. И хотя уже начат монтаж второй машины, но еще не приступили к восстановлению целлюлозного завода. Еще не поставлены свои турбины на комбинате и тепло от сотен кубометров дров уходит в воздух впустую. Еще вся работа комбината зависит от того, как действует маленький, восстановленный т. Мальковым, паровозик, маневрирующий на заводских путях, подвозя словые кругляки. Еще и первая машина лихорадит, не вошла в полный ритм своей работы, и каждый день приходится заново налаживать то, что уже казалось налаженным. Но все-таки бумага есть, бумага идет!

Комбинат требует от железной дороги вагонов для вывозки готовой продукции.

Наступление продолжается!

И сейчас, стоя на ступенях Дворца культуры, и глядя на белоснежное Онего, на густые бескрайние леса, подступающие к скалистому берегу, мы вспоминаем, как стояли на этих ступенях вечером в октябре 1941 года.

Внизу было темное, свинцовое холодное озеро... А далеко, далеко поднималось зарево и багровые его отблески отражались на хмурых тучах, обложивших небо. Это было зарево горящего Петрозаводска, в котором уже хозяйничали враги.

Последние составы с оборудованием Кондопоги уже ушли. Мы знали, что их бомбят на путях немецкие самолеты. Тяжело было на душе. Горько было уходить отсюда, из построенного нами, вызванного к жизни города и комбината; тяжело было видеть, как горит столица республики, но даже в те трудные для сердца нашего часы, мы знали, мы были убеждены, мы верили в то, что вернемся, в то, что снова закипит жизнь в республике и заработает здесь бумажная машина.

За осуществление этой мечты мы бились с оружием в руках.

Старшая прессовщица т. Трошкова,

И сегодня, когда мы стоим среди новых жилых домиков новой Кондопоги, когда проходим по залам работающего комбината, наша мечта о будущей большой Кондопоге уже не кажется только мечтой. Это—будущая быль! Мы видим восстановленными все пять бумажных машин, как до войны, мы видим залы, в которых установлены еще четыре новых машины.

...Варится в котлах целлюлоза... На огромных биржах высется штабеля баланса. У пристаней и причалов, у элеваторов ожидает очереди прибуksированный сплоченный слав со всех рек округи.

Из Дворца культуры доносятся звуки вдохновенной музыки. Над зданием комбината горит, сияет, издали видна, огромная красная звезда... И сияют светом электрических лампочек цифры: 175!— Это значит досрочно выполнена годовая программа комбината. Сто семьдесят пять тысяч тонн первосортной бумаги—больше чем рекорды Балахны, а до конца года (какого—1951—1952 г.?)—еще остается два месяца.

Громко над водою озерной из рупоров, установленных у Дворца культуры, доносятся слова, приветствия рабочих Балахны, Сегежи, Краснокамска, Ляскеля, Сокола, Суоярви, обращенные к победителям в соревновании—кондопожцам! Мечта?—Да, но выполняемая каждым днем стахановской работы, каждым новым снятым гамбуром бумаги, каждым оборотом цилиндра, каждым новым кирпичом на стройке мы приближаем час её осуществления.

Дважды побывал в Кондопоге Михаил Иванович Калинин—первый раз безвестным ссыльным прошел он по дорогам в толпе переконяемых по этапу политических ссыльных, и второй раз—всесоюзным старостой побывал на закладке Кондопоги... Именем трибуна революции—Сергея Мироновича Кирова назван комбинат. Вот почему так проникновенно, взволнованно звучат слова старого рабочего-кондопожца:

—Если бы только Михаил Иванович, если б только товарищ Киров видели, что мы уже сделали и что еще сделаем здесь в Кондопоге! Они бы сказали: „Поздравляем с бумагой! Неплохо поработали, товарищи!“

—Они бы сказали,—подхватывает комсомолец,—то, что говорит товарищ Сталин: вперед к коммунизму!

*) Ожидание. Начало см. на стр. 2

Фельетон

Жалобы паровоза

ВИД

Кто-то фыркнул, откашлялся и, вдруг, застонал нечеловеческим голосом.

Я выглянул из сарайчика, где притаилась страшная рубительная машина. На подъездных путях не было ни души... А стоны продолжались, сотрясая морозный воздух, точно десяток расстроенных контрабасов, разом взревели под неумелыми ударами смычков.

Можете представить моё изумление, когда я понял, что стоны исходят от маленького паровозика, сердито выплёвывающего клубы чёрного густого дыма.

Видимо, этот старикан, два года назад извлечённый со свалки металлического лома, где он, лёжа на боку, спокойно доживал свой век, был здорово рассержен. Во всяком случае, заметив меня, он стал жаловаться, точно я был председателем фабкома т. Терентьевым, а то и самим коммерческим директором комбината.

— Я же не требую пенсии и даже не хожу по двадцать раз в фабрику, чтобы получить ссуду на покупку одежды! — кричал он, брызгаясь паром. — Но поймите, я давно уже перешёл пору прекрасной юности и моё здоровье... кха... кха... требует известных забот. А Ермаков заставляет меня таскаться по снегу чуть не босиком! До сих пор он не соблаговолил достать новые бандажки для моих колёс.

Я посочувствовал и это меня погубило. Паровоз прорвало. Он, очевидно, страдал старческой болтливостью.

— Вот, я и говорю, — гудел он, поправляя очки с разбитыми грязными стёклами. — Страдаю с давнего времени катарром желудка и, естественно, нуждаюсь в промывании... Но, извольте ли видеть, Ермакову всё недосуг. Только надвях промыли, а то уж терпеть прямо не в мочь было... Потом, ревматизм. Суставы ноют и от плохой и от хорошей погоды. Надо бы, того, этого, подтянуть и шатуны, и кулисы, и кривошипы, да у наших деятелей времени на это нехватает... Ну, а если я не выдержу и в ящик сыграю?

— Помилуйте, вы ещё долго продержитесь. Так прекрасно сохранились!.. — любезно сказал я.

— К чорту, комплименты! — хрипнул паровоз. — Вы думаете, что если я лягу, так сказать, лаптями кверху, то это обстоятельство кого-нибудь огорчит? Уверю вас, в лесном отделе все ужасно обрадуются. Интересуетесь, почему? Охотно вам разъясню, — паровоз оглянулся по сторонам и шепнул мне на ухо: — у нас, в лесном отделе, к механике отношение явно недоброжелательное.

— То есть?

— А очень просто. Как какой-нибудь механизм замят, так его по самому темячку — хряп! и готово. Вот, например, лебедка. Не может даже вида её Новиков выносить. Обязательно расколошматит! Впрочем, он и электропилы горазд ломать. Стоит дотронуться и... готово.

— А начальство?

— Ну, что оно сделает! Вот недавно нормировщик лесного отдела Самсонов напился до белых чёртиков и всячески старался сорвать партийное собрание. Посудите сами, что с пьяного возьмешь? Он, как нагрузится, так и начинает свои порядки устанавливать... Не пилу к лесу подвозит, а лес, по бревнышку к пиле подтаскивать велит: не подаёт разделанный лес с верхней биржи под уклон, а заставляет меня таскать его по одному вагончику в гору. Я, конечно, стараюсь, но только чувствую, что вот-вот станковая жила лопнет.

— Тоже Самсонов?

— А кто их разберёт... Ермаков, Макаров, Самсонов — все к механизмам плохо относятся.

И долго бы ещё жаловался мне старый паровозик, если бы ни пришел т. Мальков и ни подстегнул его, как старую, застоившуюся клячу.

Паровозик охнул, скрипнул, потащился и потащил пульман в гору, вместо того чтобы вести под гору, по крайней мере, пять вагонов. Но ещё долго долетали до меня его справедливые жалобы:

— Я старый и больной... — А на меня все как есть свалили... и рейд, оказывается, мне в порядок приводить... Ну, а коли не выдержу и на пенсию уйду... Что тогда?

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

В выездную редакцию поступают десятки писем, стихи, статьи, от рабочих, колхозников, служащих, специалистов, учащихся на самые разнообразные темы. Кондопожцы любят свой комбинат, думают о его настоящем и будущем, восстанавливают цехи, монтируют машины и пишут стихи об этом.

На руни

Родной комбинат возрожден
Множить темы вдвойне, тройне.

Чтобы дать бумаги

столько тонн,

Сколько нужно родной стране!

Так начинает свое стихотворение электромонтер Евгений Большов. Этой же теме посвящает стихи ученик сельской школы Василий Матюшин:

Нам бумага нужна неведьду

Как винтовка нужна в бою.

В. Лонин обращается к лесорубам с призывом:

Лесоруб,

Если будет баланс

То у нас и бумага будет.

Авторы сообщают о производственных успехах своих товарищей по труду, резко критикуют неполадки в работе организаций, учреждений. К. Фокин пишет, например, что в Кондопоге работники городской электросети злоупотребляют и обесчечивают зачастую потребителей. В дом № 8 по улице Кирпичной энергия подключена 7 февраля, а плату начислили с 1 января 1948 года.

Е. Трофимова написала письмо о беспорядках в магазинах ОРС,а. Там то и дело происходят драки, продавцы грубо относятся к покупателям, а руководители ОРС,а комбината никаких мер к тому, чтобы навести порядки, не принимают.

По следам наших выступлений

„Шалости прораба“

Под таким заголовком в № 7 газеты „Ленинское знамя“ от 18-го февраля с. г. помещена заметка.

По существу заметки нам сообщили:

За появление на работе в пьяном виде и дискредитацию себя перед подчиненными гр. Алексеев приказом по СМУ—1 от 18 февраля за № 36 уволен со строительства без выдачи выходного пособия.

Ответственный редактор
Ник КЛИМЕНКО.

Ленинское знамя

22 февраля 1948 г.

Молния

Клич бригады тов. Арчувадзе

Лесной отдел долгое время тормозил ритмичную работу бумажной машины. Узнав об успехах своих товарищей по труду, выполнивших социалистическое обязательство, бригада лесного отдела, возглавляемая тов. Арчувадзе, бросила пламенный клич; каждая бригада должна разделять по 90 кубометров дров.

Рабочие участка тов. Арчувадзе с первых же дней выполняют свое обещание: разделяют за каждую смену по 90 кубометров дров.

Товарищи лесники! Включайтесь в соревнование, принимайте вызов передовиков!

MEMORANDUM

TO :

FROM :

SUBJECT :

The following information was obtained from a review of the records of the Department of the Interior, Bureau of Land Management, regarding the proposed acquisition of land for the construction of a new road through the public lands of the State of California.

The proposed road, which is approximately 10 miles long, is located in the southeastern portion of the State of California, and is proposed to be constructed through the public lands of the State of California.

The proposed road is proposed to be constructed through the public lands of the State of California, and is proposed to be constructed through the public lands of the State of California.

The proposed road is proposed to be constructed through the public lands of the State of California, and is proposed to be constructed through the public lands of the State of California.